

- 6 Habermas Yu. *The future of human nature*, Moscow: Ves' Mir, 2002, 144 p.
- 7 Toffler E. *Future Shock*, Moscow: AST, 2002, 557 p.
- 8 Popper K. *Logic and growth of scientific knowledge*, Moscow: Progress, 1983, 605 p.
- 9 Popper K. *Assumptions and denials. The growth of scientific knowledge*, Moscow: ООО «АСТ», NPP «Ермак», 2004, 638 p.
- 10 Prigogine I., Stengers N. *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*, Moscow: Nauka, 1986, 432 p.
- 11 Palatnikov D.Ye. *Fundamental research*, Moscow. 2009, № 1, p. 89–90.
- 12 Fomenko V. *Electronic research seminar*, 2005, www.elektron2000.com/fomenko_0014.html (date accessed 10.15.2014).

УДК 13 (100) (574)

А.Ш.Мирзабекова

Карагандинский государственный медицинский университет
(E-mail: mirsabekova@list.ru)

Культурно-идентификационная роль языка в национальном и цивилизационном измерении: социально-философский аспект

Социально-философский аспект анализа языка, как отмечено в статье, показывает, что человек понимает и воспринимает мир так, как он выражен в языке его народа. В этом суть культурно-идентификационной роли языка. Автор выделяет, что язык выражает специфические условия жизнедеятельности конкретного общества, его мировоззрение, фокусируя в себе национальную и духовно-культурную самобытность любой нации. Доказано, что языковая идентичность есть условие формирования и существования человека внутри этноса.

Ключевые слова: культурная идентификация, культура, язык, языковая идентичность, языковая память, этнос, нация, цивилизация.

История всякого языка отражает историю народа, концентрируя его опыт в своеобразной национальной форме, являясь хранителем культурной памяти языковой общности. Языковая память культуры представляет собой сложное единство актуальной памяти многих конкретных людей, говорящих и пишущих на данном языке, и объективно существующих произведений интеллектуальной и культурной элиты общества. Благодаря этому сохраняется, обогащается, изменяется, а значит, существует язык как целое, в качестве одного из важнейших детерминирующих компонентов культурной идентичности нации. Культурная идентичность означает самоотжественность народа в сфере культуры, а на индивидуальном уровне — принадлежность, сопричастность индивида определенной культуре.

Язык — один из ярких примеров единства индивидуализированного и внеиндивидуального объективированного духовного. Язык есть совокупность слов или иных знаков, организованных по определенным правилам, составляющим его грамматику, т.е. любая знаковая система, при помощи которой можно передать информацию. Язык есть действительность мысли, ее материальная форма, в которой объективируются результаты, фрагменты процессов работы сознания. Человек в своей жизни застаёт уже готовые языковые формы, сложившиеся до него. При этом происходит восприятие содержащегося в языке культурного кода этноса, нации, цивилизации как совокупности зашифрованных смыслов, значений, оценок. «Поскольку мы, люди, чтобы быть тем, что мы есть, встроены в язык и никогда не сможем из него выйти, чтобы можно было обзреть его еще и как-нибудь со стороны, — пишет Хайдеггер, — то в поле нашего зрения существо языка оказывается всякий раз лишь в той мере, в какой мы сами оказываемся в его поле, вверены ему» [1; 63]. Тем самым язык как бытие объективированного духовного становится способом сохранения и воспроизводства культурной идентичности в социуме.

Язык наиболее точно характеризует народ, ибо является объективированной формой его самосознания. Он осознается как главный этноразличительный признак и этническая ценность. Приоритетная роль языка в самоопределении нации и осознании национальной идентичности была выделена в древней Греции. Гомер назвал варварами («барбарофонами», т.е. «лопочущими», «бормочущими»)

кариян — жителей Кари, области на юго-западе Малой Азии, сражавшихся на стороне греков, но говоривших по-другому. Тем самым Гомер сформулировал «языково-культурный» принцип самоидентификации: всякий, кто говорит по-гречески, — эллин, всякий, кто говорит на ином языке, — варвар.

Анализ языка помогает установить, какие объекты и предметы являются значимыми в культуре народа и тем самым создать целостный образ своего носителя со всеми его предпочтениями и культурно-идентификационными ориентирами. «Национальная общность, — утверждает Э.Шилз, — была создана обладанием общим языком и общей принадлежностью к символическим конфигурациям, выраженным в языке» [2; 103]. Помимо фундаментальной роли языка в деле формирования нации, Э.Шилз, как и другие исследователи, выделяет его консолидирующую функцию — обладание общим языком, наряду с общим биологическим наследованием и общей территорией, — показатель сплоченности общности. Язык, действительно, является ближайшим индикатором нации и национального самосознания, так как без общего языка неосуществимы взаимосвязи и консолидация в обществе.

Язык действует как интегратор наций, когда на одном национальном языке может говорить множество наций, т.е. когда лингвистическая общность простирается за пределы национальных территориальных границ. В этом случае язык объединяет нации в рамках одной цивилизации, способствуя формированию их общей цивилизационной идентичности. Такую роль сыграл латинский язык в средневековой Европе, способствуя объединению многих народов в рамках становящейся западной цивилизации, а также арабский язык на территории арабского халифата — от Туркестана до мусульманской Кордовы в Испании, способствуя становлению мусульманской цивилизации.

Человек воспринимает объективный мир вещей через субъективный мир языка. По М. Фуко, язык является общим структурирующим механизмом во всех образованиях сознания и культуры данной исторической эпохи. Для историка (археолога), по мнению М. Фуко, нет в культуре ничего заранее заданного. Все факты, все атомы культуры, представляющиеся неделимыми, подвергаются делению. Все они вписываются в контекст речевых или дискурсивных практик [3; 33].

Язык, развиваясь, превращается в реальность, обособленную от сознания отдельных индивидов и поколений людей, в самозамкнутое бытие. Эта реальность дается людям как особый мир, запечатленный в письменных текстах, например в литературе. Тем самым история языка предстает как история культуры.

Язык всегда играл роль основного фактора распространения культуры. Как отмечает Питер Л. Бергер, главным языком общения в эпоху эллинизма был койне — самый распространенный и, в общем, простонародный диалект греческого языка, на котором совсем не случайно был написан Новый Завет. Сегодня английский язык, скорее в его американском, чем в чисто английском варианте, является языком «койне» глобальной культуры. Использование иностранного языка не проходит для людей бесследно. Любой язык имеет под собой культурный пласт познавательных, нормативных и даже эмоциональных коннотаций. Это очевидным образом обнаруживается и в американском варианте английского языка, широко распространившемся сейчас по всему миру. «Подумайте хотя бы о таких, казалось бы, безобидных выражениях, как *religious preference* («религиозное предпочтение») и *sexual orientation* («сексуальная ориентация»), или о таких фразеах, как *I cannot express myself in this job* («Я не могу выразить себя в этой работе»), *I need more space in this relationship* («Я бы хотел, чтобы наши отношения были менее обязывающими»), *You have the right to your opinion* («Вы имеете право на собственное мнение»)», — замечает П.Л.Бергер [4; 10]. Вместе с тем в современном мире насчитывается немало стран, не имеющих общего языка и характеризующихся лингвистическим и этническим сепаратизмом. В частности, об этом свидетельствует опыт Швейцарии, Бельгии, Канады. Урегулирование национальных отношений в этих странах в связи с языком становится предметом серьезного внимания со стороны государства и учитывается в проводимой им культурной политике для сохранения его политического и правового единства.

Поскольку мы описываем мир словесными конструкциями и аккумулируем знания о нем в определенном языке, то встает вопрос: не сказываются ли особенности того или иного языка на мышлении людей, говорящих на нем? Из хайдеггеровской концепции следует, что различия в языке как онтологической реальности определяют различия в культурной идентичности западного и восточного человека. Язык есть Дом бытия, по Хайдеггеру. Если это так, то не живет ли европеец совсем в другом доме, нежели восточно-азиатский человек? В какой мере европейская эстетика способна поднять до более высокой ясности то, на чем покоится существо нашего искусства и поэзии? — спрашивает японский собеседник. В диалоге между японцем и спрашивающим наряду с выяснением сущности

языка возникает дополнительный аспект: можно ли постичь мыслью такую сущность языка, которая давала бы гарантию диалога европейско-западного и восточно-азиатского слова, где звучало бы нечто, проистекающее из одного источника? [5; 273]. Разговор «из дома в дом» оказывается невозможным в силу того, что значимое для восточного бытия при переводе на европейские языки становится чем-то неопределенным и ускользающим, растекающимся, в то время как восточным языкам не достает «разграничительной силы», чтобы представлять предметы в однозначной рассудочной упорядоченности друг к другу.

Исследования, проведенные западными специалистами В. Тернером, Р. Вудвортом, М. Салингом и другими, показали, что в формировании видения мира решающая роль отводится языку. В основе их исследований лежала гипотеза Сепира-Уорфа, или «гипотеза лингвистической относительности», о том, что язык, усваиваемый в детстве, определяет особый способ видения и структурирования мира. Согласно этой гипотезе язык — это не просто средство выражения и оформления мыслей, он определяет ход наших мыслительных процессов и их результаты. Образ мира, который складывается в сознании, организован и систематизирован прежде всего понятиями, а значит языком. По мнению Э. Сепира, «суть языка лежит в классификации, в формальном моделировании, в связывании значений». Относительно внутренней формы языка Э. Сепир замечает, что «мы в настоящее время еще весьма далеки от того, чтобы уметь точно определить, в чем именно заключается это основополагающее чувство формы. Эти принципы классификации, основанные на смутно ощущаемых «великих основополагающих схемах», обнаруживаются в самых различных типах культур и экзотических учений как ряды фантастических гомологий. Но единое основание самих этих схем находится вне области доказуемого и потому «должно быть оставлено философам и беллетристам» [6; 41].

На наш взгляд, интерпретировать эту мысль Э. Сепира с социально-философской позиции можно в том плане, что язык является носителем фоновых знаний, сформировавшихся в сознании человека и отражающих культурные реалии его среды. Поэтому родной язык является для человека не только средством общения, но и средством единения с людьми своей национальности, так как выражает общую культурную картину мира, сложившуюся в их сознании. Смысл этого единения может быть выражен словами «я знаю, что ты знаешь, что я имею в виду, и мы оба это знаем».

Различия между языками наиболее заметно проявляются в том, что в каждом из них есть так называемая безэквивалентная лексика, например фразеологические обороты, которые не переводятся на другие языки слово в слово. Однословный перевод не имеет смысла в контексте излагаемого материала. Например, переводчики текста казахского эпоса «Кобланды батыр», где описывается сражение главного героя с врагами, перевели слово в слово фразеологический оборот «Қабағына қар жауған, кірпігіне мұз тонған»: «У него снег на бровях, лед на ресницах замерз» [7]. Ниже дается пояснение, что данное двустишие — постоянная эпическая формула для выражения гнева героя. Это привело в русском варианте эпоса к несуразности этих слов с общим контекстом. Этот фразеологический оборот, если перевести его по смыслу, означает «суровый вид, холодный взгляд» или, если точнее, «холодный вид, ледяной взгляд» Кобланды батыра в его сражении с врагами.

Отсутствие в языке слов, соответствующих безэквивалентной лексике другого языка, называют лакунами. Как и безэквивалентные слова, так и лакуны, показывающие несоизмеримость культурных реалий разных народов, становятся заметными только при сопоставлении языков. Возвращаясь к Хайдеггеру, отметим его мнение, что проблема не только во взаимной непереводаемости, ведь для самого европейца, когда он пытается говорить о языке, смысл беседы остается в неопределенности, поскольку речь идет о неопределимом. Язык, сказ «не поддается уловлению ни в каком высказывании» [5; 273], он постоянно разрушает возможность сказать то, о чем идет речь, высказать суть самого языка. Однако эта неуловимость дает возможность разворачиваться диалогу, в ходе которого уточняется высказанная мысль, а следовательно, открывается истина.

Отсюда следует, что нельзя полностью согласиться с гипотезой «лингвистической относительности». Во-первых, язык, несомненно, оказывает влияние на процессы и результаты мышления, но это влияние не столь велико, как утверждает гипотезой Сепира-Уорфа, так как содержание наших мыслей и представлений определяется предметом отражения, а не языком.

Культура живет и развивается в «языковой оболочке», но не «оболочка» обуславливает содержание культуры, а, наоборот, содержание культуры диктует характер и состояние этой «оболочки». Язык обуславливает культуру, а не определяет ее. Нормы языка, его лексика и грамматика изменяются, когда этого требует развитие общественной жизни, науки, искусства. То есть не язык определил

мышление, а мышление, критерием истинности которого является практика, определило свойства, лексику и грамматику языка. Другими словами, язык развивается в зависимости от культуры народа, понимаемой как совокупность его материальной и духовной жизнедеятельности, является средством выражения его мышления, материальной оболочкой мысли.

Во-вторых, языки, конечно, отличаются друг от друга, но не настолько сильно, как предполагает гипотеза Сепира — Уорфа. Даже если они по-разному структурируют действительность, то это еще не значит, что на разных языках создаются принципиально различные, несопоставимые и не переводимые описания действительности. Это может означать лишь то, что на одном языке легче выразить одни свойства и отношения вещей, а на другом — другие.

Таким образом, Б. Уорф и Сепир правы в том, что язык способен воздействовать на наше мышление и восприятие действительности, но недостаток их гипотезы состоит в том, что они полагают, будто данное воздействие носит определяющий характер и происходит всегда. Таким образом, гипотеза «лингвистической относительности» требует уточнения. Если ее, вслед за Б. Уорфом, формулировать как утверждение, что мышление и создаваемая в той или иной культуре картина мира всецело зависят от языка, то в такой крайней форме она неверна, так как это означало бы отрицание объективного содержания знаний человека о мире. Но если ограничить ее тезисом о том, что язык как выражение мироотношения и мировоззрения народа в определенной мере оказывает влияние на представления о мире и характер мышления его представителей, на их менталитет, т.е. умонастроение, то в этом виде она представляется оправданной.

Особенность языка в том, что он отражает специфику цветового восприятия мира его первоначальным разработчиком и носителем. Например, у зулусов 39 наименований зеленого цвета, у северных народностей до сорока наименований снега. У казахов первоначально синий и зеленый цвета обозначались одним словом и различались только в контексте высказываемой мысли. Практическая востребованность уточнения называемых цветов обусловила введение в современный казахский язык слова «жасыл» — зеленый, происходящего от тюркского «йашыл», употребляемого в работе Ж. Баласагуни «Благодатное знание» при описании листьев дерева.

Культурная самобытность языков проявляется и в закреплении различия мужского и женского начала через употребление соответствующих местоимений и окончаний. В языках одних народов это конкретизировано в большей степени, а в языках других народов определяется в зависимости от контекста или интонации. Например, у казахов в этом определяющее значение имеет контекст сказанного, а у китайцев — интонация.

Знание родного языка есть условие совпадения антропологической, социальной и культурной идентичности индивида. В языке каждого народа закреплены в виде норм определенные социальные эталоны восприятия: эстетические эталоны женской и мужской красоты, этические эталоны поведения по отношению к легитимированной в национальном сознании иерархии лиц с их социальными ролями. Например, «культура стыдливости» у казахов четко и однозначно закреплена в выражении «өлiмнен ұят күшті», что дословно означает «стыд сильнее смерти», при этом ожидание должного соблюдения этого эталона восприятия соответственно полу, возрасту и социальной роли воспринимается как само собой разумеющееся. Незнание родного языка означает отсутствие ключа к освоению глубинной ментальности своего народа и ведет к парадоксу несовпадения антропологической, социальной и культурной идентичности.

Список литературы

- 1 *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления.* — М.: Республика, 1998. — 448 с.
- 2 *Shils E.* Nation, nationality, nationalism and civil society // *Nations and Nationalism* 1. — № 1 (1995). — Р. 93–118.
- 3 *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. — СПб.: А-скад, 1994. — 405 с.
- 4 *Бергер П.Л.* Культурная динамика глобализации // *Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире* / Под ред. П.Л. Бергера и С.П. Хантингтона, пер. с англ. В.В. Сапова. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 537 с.
- 5 *Хайдеггер М.* Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // М. Хайдеггер. *Время и бытие.* — М.: Республика, 1993. — 448 с.
- 6 *Сепир Э.* Введение в изучение речи // Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии.* — М.: Прогресс, 1993. — 656 с.
- 7 Кобланды батыр. Казахский народный эпос. — [ЭР]. Режим доступа: <http://mifolog.ru/books/item/> (дата обращения 15.10.2014).

А.Ш.Мырзабекова

Тілдің ұлттық және өркениеттік тұрғыдан қарағанда мәдени-сәйкестендіруші рөлі: әлеуметтік-философиялық қыры

Мақалада тілді әлеуметтік-философиялық тұрғыдан талдау бойынша адам дүниені өз халқының тілі арқылы қабылдап түсінеді деп айтылған. Бұл — тілдің мәдени-сәйкестендіруші рөлінің мәні. Тіл нақты қоғамның өмір сүру үшін тіршілігінің өзіне тән жағдайларын, оның дүниеге көзқарасын жеткізіп тұрады. Ол өзінде қандай да болсын халықтың ұлттық және рухани-мәдени сәйкестігін жинап сақтайды. Тіл жағынан сәйкес болуы — адамның ұлт ішінде қалыптасуы мен өмір сүруінің шарты екендігі дәлелденген.

A.Sh.Mirzabekova

Cultural-identity role of language in the national and civilizational dimension: social and philosophical aspect

Social and philosophical aspect of language analysis shows that a man understands and perceives the world as it is expressed in the language of his people. This is the essence of cultural identity role of a language. Language expresses specific conditions of life of a particular society and its worldview. It focuses a national spiritual and cultural identity of any nation. Linguistic identity is a condition of the formation and existence of a man within the ethnic group.

References

- 1 Heidegger M. *Time and Being: Articles and Speeches*, Moscow: Republic, 1998, 448 p.
- 2 Shils E. *Nations and Nationalism* 1 (1995), 1, p. 93–118.
- 3 Foucault M. *Words and things. Archaeology of Human Sciences*, translation from French V.P.Vizgin, N.S.Avtonomova, Saint Petersburg: A-cad, 1994, 405 p.
- 4 Berger P.L. *The many faces of globalization. Cultural diversity in the modern World*, edited by P.L.Berger and S.P.Huntington; translation from English V.V.Sapov, Moscow: Aspect Press, 2004, 537 p.
- 5 Heidegger M. *Time and Being*, Moscow: Republic, 1993, 448 p.
- 6 Sapir E. *Selected works on linguistics and cultural studies*, Moscow: Progress, 1993, 656 p.
- 7 *Koblandy Batyr. Kazakh folk epic*, <http://mifolog.ru/books/item/> (date accessed 15/10/2014).